

ЭДГАР РАЙС БЕРРОУЗ

Тарзан из племени обезьян
Возвращение Тарзана
Тарзан и его звери

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б 51

Перевод с английского
А. Д. Степанова, М. В. Тарасова

Серийное оформление В. В. Пожидаева

Оформление обложки С. В. Шикина

Иллюстрации Дж. Аллена Сент-Джона

Составитель А. Г. Лютиков

ISBN 978-5-389-11491-3

© А. Д. Степанов, перевод, 2016
© М. В. Тарасов, перевод, 2016
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

Тарзан из племени обезьян

Глава 1

В ОТКРЫТОМ МОРЕ

Как-то раз, когда я гостил у знакомого, я услышал от него эту историю. Спешить было некуда, и за бутылочкой хорошего вина он начал свой рассказ. В течение нескольких дней, что я его слушал, сомнения насчет достоверности этой странной эпопеи не покидали меня.

Когда словоохотливый хозяин понял, что наговорил уже немало, а я все еще слушаю с недоверием, то, движимый обидой и ложным чувством гордости, он решил предъявить доказательства своего невероятного повествования и извлек на божий свет некую потрепанную рукопись и сухие официальные отчеты британского Министерства колоний.

Но даже после этого не берусь утверждать, что история была правдивой, поскольку сам я не был ее свидетелем. И все-таки рискну представить на ваш суд этот рассказ, позволив себе лишь заменить подлинные имена главных героев вымышленными, — иными словами, я верю, что такое *могло* произойти.

Пожелтевшие, покрытые плесенью страницы дневника человека, которого давно нет в живых, а также документы Министерства колоний вполне соответствуют событиям, поведанным моим приятелем, и я познакомлю вас с историей, почерпнутой сразу из нескольких весьма различных источников. Возможно, вы решите, что она не заслуживает доверия, но я надеюсь, что она покажется вам, по крайней мере, удивительной, примечательной и достойной внимания.

Итак, официальные материалы и дневник уже давно умершего человека подтверждают, что английский дворянин — назовем его Джоном Клейтоном, лордом Грейстоком, — был направлен с весьма деликатным поручением в британские колонии на западном побережье Африки. В Лондоне стало известно, что некая европейская держава вербует простодушных обитателей тамош-

них мест в свою туземную армию, преследуя только одну цель — отбирать каучук и слоновую кость у дикарей, живущих в джунглях на берегах Конго и Арувими. Аборигены британских колоний жаловались на вербовщиков, постоянно увлекающих их молодежь щедрыми обещаниями. Почти никто из молодых людей, покинувших родные места, не вернулся назад.

Англичане в колониях утверждали даже, что эти бедные туземцы попадали в самое настоящее рабство, поскольку белые офицеры заставляли их служить еще долгие годы по окончании обозначенного в контракте срока, пользуясь неграмотностью местного населения.

Тогда Министерство колоний послало в Британскую Западную Африку Джона Клейтона, снабдив его секретными инструкциями, с заданием расследовать жестокое и несправедливое обращение дружественной страны с чернокожими жителями британских колоний. Сразу заметим, однако, что это расследование не повлияет на нашу историю, поскольку оно так и не было проведено. Более того, Джон Клейтон так и не добрался до места своего назначения.

Клейтон представлял собой тот тип англичанина, который возникает в нашем сознании при воспоминании о самых доблестных подвигах британцев за всю их победную тысячелетнюю историю: он был мужествен и силен телом и духом.

Высокий, сероглазый, он имел правильные черты лица и отличался завидным здоровьем, которое закалили годы армейской службы. Однако честолюбивое желание сделать карьеру в политике заставило лорда просить о переводе из армии в Министерство колоний. И вот еще совсем молодой человек становится видным чиновником, которому дано непростое и ответственное поручение на службе ее величества.

Клейтон был польщен, но при этом не мог не волноваться. Он относился к заданию как к заслуженной награде за трудную армейскую службу и в то же время считал его первой ступенью на пути к дальнейшему возвышению, к важным и ответственным постам.

Но было и еще одно обстоятельство. Всего три месяца назад Клейтон женился на красавице Элис Резерфорд, и его приводила в ужас сама мысль о том, что ему придется отправиться в полные опасностей африканские джунгли вместе с юной леди. Он был уже готов отказаться от миссии ради супруги, но леди Элис

не позволила этого сделать. Напротив, она уговорила Клейтона принять поручение и непременно взять ее с собой. Разумеется, у новобрачных имелись родственники — матери, братья, сестры, тетушки и кузины, и они наверняка обсуждали это решение; однако какие именно слова они говорили, история умалчивает.

Мы знаем только, что в мае 1888 года, ясным утром, сэр Джон, лорд Грейсток, и леди Элис сели на корабль, отправлявшийся из Дувра к африканскому берегу. Месяц спустя они прибыли в Фритаун, где перебрались на небольшое парусное судно под названием «Фувальда», которое должно было доставить их к месту назначения.

И вслед за этим сэр Джон, лорд Грейсток, и леди Элис, его супруга, бесследно исчезли: никогда больше ни один человек их не видел.

Через два месяца после того, как «Фувальда», закончив очистку днища, подняла якорь и вышла из порта Фритауна, с полдюжины британских военных кораблей пустились на ее поиски в южной части Атлантического океана. Почти сразу удалось обнаружить обломки — их нашли у берегов острова Святой Елены. Тогда решили, что все находившиеся на борту «Фувальды» погибли, и поиски прекратились, хотя надежда еще долгие годы теплилась в сердцах родных и близких.

«Фувальда» — баркентина водоизмещением в сто тонн, такие корабли можно часто увидеть в водах Южной Атлантики. Обычно они курсируют вдоль берега, ведут торговлю, а их команды, как правило, состоят из самых отчаянных головорезов и негодяев со всех стран и континентов, о ком уже давно плачет виселица.

«Фувальда» не была исключением. Офицерами на ней служили дочерна загорелые грубияны, ненавидевшие команду, и команда отвечала им полной взаимностью. Капитан был опытным моряком, но в обращении с матросами — человеком совершенно безжалостным. Он использовал всего два аргумента в общении с ними: деревянный шкворень для закрепления канатов и револьвер. Впрочем, вряд ли тот пестрый сброд, которым ему приходилось командовать, смог бы понять какие-то другие доводы.

Уже на второй день после отплытия из Фритауна Джон Клейтон и его молодая жена оказались свидетелями таких сцен, какие, по их представлениям, могли разыгрываться только на страницах морских повестей и рассказов. В то утро и начала складываться цепочка обстоятельств, которые через много лет будут иметь

необычайные последствия в судьбе их пока не рожденного ребенка, — такого история человечества еще не знала!

Двое моряков драили палубу, штурман стоял на вахте, а капитан подошел поговорить с Джоном Клейтоном и леди Элис. Они спокойно беседовали, не обращая ни малейшего внимания на матросов, которые, продолжая работать, приближались все ближе, и вскоре один из них оказался совсем рядом с капитаном. Если бы он просто прошел мимо, то никогда бы не случилось и вся эта удивительная история. Но именно в тот момент капитан повернулся, намереваясь отойти от лорда и леди Грейсток, наткнулся на матроса, поскользнулся и растянулся на мокрой палубе, перевернув заодно и ведро с грязной водой, которая окатила его с ног до головы.

Сцена эта могла бы даже показаться смешной, но только на мгновение. Капитан разразился отборной бранью, лицо его стало пунцовым от ярости и стыда. Он вскочил и одним ударом сбил матроса с ног. Моряк был немолод, слаб, и потому поступок капитана выглядел еще более жестоким. Другой матрос, однако, был и молод, и силен. Этот черноволосый усач с широкими плечами и бычьей шеей мог бы, пожалуй, помериться силой с медведем. Увидев, что его товарищ повержен, он с криком кинулся на капитана. Чтобы сбить обидчика с ног, ему тоже понадобился всего один удар.

Лицо капитана из пунцового сделалось белым: это был бунт на корабле. Но за годы морской службы ему довелось повидать и мятежи. Не успев подняться, он выдернул из кармана револьвер. В этот момент Джон Клейтон, увидев блеснувший на солнце металл, с необыкновенным проворством ударил капитана по руке, и пуля, которой надлежало попасть в сердце моряка, всего лишь задела ногу.

Затем в коротком разговоре с капитаном лорд дал ясно понять, что ему не нравится столь грубое обращение с командой и что в дальнейшем, пока он и леди Грейсток остаются на борту, он не намерен терпеть ничего подобного. В ответ капитан чуть было вновь не разразился бранью, но все же вовремя сдержался, резко развернулся и удалился, впрочем с самым грозным видом. Он понимал, что не следует вступать в конфликт, ибо у ее величества есть могучая рука, которая сумеет достать и наказать даже на краю света, — британский флот.

Оба матроса пришли в себя, и старик помог своему раненому товарищу подняться. Молодой моряк — по прозвищу Черный Майкл — ощупал свою ногу и, убедившись, что может на нее ступить, обратился к Клейтону со словами благодарности. И хотя тон его грубоватой речи не был приветливым, он говорил от сердца. Затем Черный Майкл повернулся и направился прямоком в кубрик, явно не собираясь пускаться в дальнейшие разглагольствования.

Лорд и леди Грейсток не видели его несколько дней. Капитан, когда они обращались к нему с вопросами, отвечал невнятно. Обедать супруги продолжали в капитанской каюте, как было и до неприятного инцидента. Капитан каждый раз давал понять, что служебные обязанности не позволяют ему принимать пищу в одно время с ними. Остальные офицеры, будучи людьми плохо воспитанными, неграмотными и мало отличавшимися от тех грубиянов, которыми они помыкали, только радовались, что им не приходится разговаривать с лоценым английским джентльменом и его леди. Супруги Клейтон оказались представлены самим себе.

Такое положение вещей превосходно соответствовало их желаниям, но в то же время отделяло их от жизни других обитателей корабля и в результате не позволило предотвратить события, которые вскоре обернулись кровавой трагедией. Казалось, в самой атмосфере уже ощущалось нечто такое, что обычно предвещает несчастье. Внешне, насколько могли судить лорд и леди Грейсток, все шло по-прежнему, но как будто некое подводное течение влекло их к опасности, какой — оба еще не понимали, но уже предчувствовали, хотя никогда не говорили об этом.

На второй день после того, как Черный Майкл получил ранение, Клейтон вышел на палубу как раз в тот момент, когда четверо матросов выносили на руках своего товарища, покрытого потом и обнаженного, в то время как штурман держал в руках увесистый шкворень и молча наблюдал за ними. Клейтон не стал задавать вопросов — все было и так ясно — и на следующий день, едва заведев на горизонте величественные очертания британского военного корабля, решил на него пересесть. Клейтон понимал, что пребывание на грозно молчащей «Фувальде» не принесет ничего хорошего.

К полудню «Фувальда» оказалась на таком расстоянии от британского корабля, что можно было переговариваться. Клейтон уже было собрался потребовать у капитана, чтобы их с леди Элис

переправили на этот корабль, но внезапно осознал, насколько смешно и нелепо будет выглядеть. Как он объяснит офицеру, командующему кораблем ее величества, свое желание отправиться обратно — точно в том направлении, откуда приплыл? Рассказать ему, что два непокорных матроса были жестоко наказаны своими офицерами? Да над ним только посмеются и к тому же сочтут за труса.

Джон Клейтон, лорд Грейсток, не стал требовать, чтобы его пересадили на британский военный корабль, мачты которого спустя время исчезли с горизонта, и в тот же день получил подтверждение самым мрачным своим подозрениям. Ему пришлось горько пожалеть о том, что всего несколько часов назад из ложной гордости он отказался от надежного убежища для своей молодой жены, а ведь это убежище было совсем рядом!

Вечером супруги Клейтон стояли у борта и смотрели, как исчезает за горизонтом военный корабль. К ним подошел тот самый матрос, которого несколько дней назад ударил капитан. Старик протирал медные части на палубе и, приблизившись к Клейтону, проговорил вполголоса:

— Скоро тут будет жарко, сэр, на этом судне, попомните мое слово. Очень жарко.

— Что ты имеешь в виду, приятель? — спросил Клейтон.

— А вы разве сами не видите? Вы не слышали, что этот черт, наш капитан, и его помощнички уже полкоманды перепороли? Двоих вчера и еще троих сегодня. Черного Майкла как отделили... А он не из тех, кто такое потерпит, клянусь Богом!

— Ты хочешь сказать, старина, что команда затевает мятеж? — спросил Клейтон.

— Мятеж! — воскликнул старик. — Мятеж! Убийство они затевают, вот что, сэр.

— И когда же?

— Скоро, очень скоро, сэр, а когда точно — не скажу. Я и так много наговорил. Это потому, что вы нам тогда помогли, я решил вас предупредить. Но вы лучше помалкивайте. А как услышите стрельбу, сидите в каюте и не высовывайтесь. Да, лучше вам не болтать. А то и вам пуля достанется, клянусь Богом.

С этими словами старик двинулся дальше, делая свою работу, и вскоре был уже далеко.

— Перспективы самые веселые, Элис, — заметил Клейтон.

— Тебе следует предупредить капитана, Джон. Что, если столкновения еще можно избежать, — ответила она.

— Действительно следует, однако из чисто эгоистических соображений мне лучше помалкивать, как советует этот старик. Что бы они ни затеяли, они, скорее всего, пожалеют нас, ведь я заступился за этого Черного Майкла. Но если они узнают, что я их выдал, тогда пощады не жди.

— Джон, долг призывает тебя встать на сторону власти. Если ты не предупредишь капитана, то окажешься сообщником мятежников. Это то же самое, что помогать им придумывать или осуществлять план восстания.

— Дорогая, ты не понимаешь, — ответил Клейтон. — Я думаю только о тебе, и именно в этом заключается мой первейший долг. Капитан сам навлек беду на свою голову, так почему я должен подвергать свою жену риску быть вовлеченной в невыносимые опасности, и все ради того, чтобы предпринять попытку спасти капитана от возмездия за жестокость, к тому же попытку, по всей вероятности, тщетную? Ты и представления не имеешь, моя дорогая, что тут начнется, когда банда головорезов захватит «Фувальду».

— Долг — это долг, Джон, и никакими рассуждениями его не изменить. Я была бы дурной женой английского лорда, если бы просила его изменить долгу. Я понимаю, каким опасностям мы себя подвергаем, но я готова встретить их рядом с тобой.

— Будь по-твоему, Элис, — ответил Клейтон с улыбкой. — Может быть, мы и преувеличиваем опасность. Мне совсем не нравится обстановка на корабле, но не исключено, что все не так уж и плохо, а этот «старый мореход» всего лишь говорит о том, чего ему хотелось бы, и выдает желаемое за действительное. Мятеж в открытом море был обычным делом сто лет назад, но, слава богу, теперь 1888 год и такое развитие событий маловероятно. Смотри-ка, капитан идет к себе в каюту. Если и предупреждать его о мятеже, то поскорее, а то меня просто мутит от разговоров с этим негодяем.

Сказав это, лорд Грейсток направился к сходному трапу, по которому спустился капитан, и через минуту уже стучался в его каюту.

— Войдите, — проворчал тот.

Клейтон вошел и закрыл за собой дверь.

— Ну?

— Я должен передать вам суть разговора, который слышал сегодня. Возможно, он ничего не значит, но лучше, чтобы вы

были предупреждены. Короче говоря, ваши люди замышляют мятеж и убийство.

— Ложь! — взревел капитан. — И если вы еще раз помешаете мне поддерживать дисциплину на моем корабле и вообще будете лезть в то, что вас не касается, то берегитесь, черт побери! Я не посмотрю, что вы английский лорд и все такое! Я тут капитан, и не суйте свой нос в мои дела!

Капитан довел себя до такого взвинченного состояния, что лицо его стало багровым и последние слова он выкрикнул громовым голосом, да еще одним кулаком ударил по столу, а другой поднес к самому носу Клейтона.

Грейсток ничуть не изменился в лице. Он стоял и спокойно наблюдал за капитанским гневом.

— Капитан Биллингс, — медленно произнес он наконец. — Прошу простить меня за прямоту, но я должен заметить, что вы настоящий осел.

Затем он повернулся и оставил капитана, сохраняя, как обычно, самый невозмутимый вид, а у такого человека, как Биллингс, это вызывало гнев больший, чем целый поток брани в свой адрес.

Если бы Клейтон попробовал как-то успокоить капитана, тот, вероятно, и пожалел бы о произнесенных сторяча словах, однако теперь, когда Клейтон просто ушел, возможность какого-либо сотрудничества между этими людьми исчезла навсегда.

— Ну что ж, Элис, — сказал Клейтон, вернувшись к жене, — я мог бы и не сотрясать воздух. Это на редкость неблагодарный малый. Чуть не набросился на меня, как бешеный пес. Пусть и он, и его чертов корабль пойдут ко дну, мне нет до них дела. До тех пор пока мы не окажемся на берегу в полной безопасности, я буду заботиться только об одном — о нашем собственном благополучии. И первый, кто посмеет сунуться в нашу каюту, познакомится с моими револьверами. Как жаль, что оружие посерьезнее мы запаковали в багаж, который остался в трюме.

Вернувшись в каюту, они обнаружили сущий бедлам. Одежда из сумок и сундуков была разбросана повсюду, и даже постельное белье изорвано.

— По-видимому, кому-то наши пожитки нужнее, чем нам самим, — сказал Клейтон. — Давай-ка посмотрим, Элис, что у нас пропало.

Тщательный осмотр показал, что ничего не исчезло, кроме двух револьверов и небольшого запаса патронов к ним.

— Это как раз те вещи, которые мне больше всего хотелось бы сейчас иметь под рукой, — заметил Клейтон. — А то, что им понадобилось оружие, — дурной знак.

— Что нам делать, Джон? — спросила жена. — Наверное, ты был прав, когда говорил, что нам лучше всего сохранять нейтралитет. Если офицерам удастся справиться с мятежом — нам нечего бояться. А если мятежники победят — нам придется только уповать на то, что мы не пытались им помешать и не враждовали с ними.

— Ты совершенно права, Элис. Будем держаться середины.

Они принялись убирать каюту и вдруг оба заметили уголок листа бумаги под дверью. Клейтон нагнулся, чтобы подобрать листок, но в это мгновение кто-то как раз просовывал его с той стороны.

Не говоря ни слова, лорд Грейсток шагнул к двери и уже взялся за ручку, но жена остановила его.

— Не надо, Джон, — прошептала Элис. — Они не хотят, чтобы их видели, так не будем пытаться их увидеть. Не забудь: мы держимся середины.

Клейтон улыбнулся ей в ответ и отпустил дверную ручку. Они постояли в ожидании.

Затем Клейтон нагнулся и подобрал испачканный лист бумаги, неаккуратно сложенный вчетверо. Развернув его, они едва прочли послание, написанное печатными буквами: его автор явно не учился чистописанию. С трудом разобрал слова, супруги поняли, что это было предупреждение. Им предписывалось не сообщать никому о пропаже револьверов, а затем повторялись слова старого матроса: не высовываться, иначе — смерть.

— Похоже, с нами все будет в порядке, — сказал Клейтон с невеселой улыбкой. — Во всяком случае, все, что нам остается, — это сидеть и ждать, чем кончится дело.

Глава 2

УБЕЖИЩЕ В ДЖУНГЛЯХ

Долго ждать не пришлось: уже на следующее утро, когда Клейтон совершал перед завтраком свою обычную прогулку по палубе, раздался выстрел, затем другой, третий. Зрелище, развернув-

шееся у него на глазах, подтвердило самые худшие опасения. Против кучки офицеров ополчилась вся пестрая команда «Фувальды» во главе с Черным Майклом.

После первого залпа офицеров матросы бросились искать укрытия, а затем стали палить в ответ, кто из-за мачты, кто спрятавшись за рулевой рубкой, а кто — за палубными надстройками. Пять ненавистных офицеров попали под перекрестный огонь. Капитану удалось застрелить двух мятежников, и те остались лежать, где упали. Но затем рухнул лицом вниз первый помощник, и по команде Черного Майкла матросы ринулись на четверых оставшихся в живых офицеров. В распоряжении бунтовщиков имелось всего шесть револьверов, и потому многие из них были вооружены баграми, топорами, тесаками и ломami.

У капитана вышли заряды, и в момент нападения он как раз перезаряжал револьвер. Пистолет второго помощника дал осечку; таким образом, офицеры располагали всего двумя стволами, способными противостоять бешеному натиску мятежников. Офицеры начали отступать. Сражающиеся стороны бранились и проклинали друг друга самым ужасным образом. Их крики вместе с выстрелами и стонами раненых превратили палубу «Фувальды» в настоящее поле боя.

Не успели офицеры отойти и на пять шагов, как нападающие настигли их. Здоровенный негр раскроил капитану череп до самого подбородка, а через мгновение пали и остальные: мертвые или истекающие кровью от десятков ударов и пуль, они лежали на палубе.

Восставшие действовали быстро и безжалостно, и во все время кровавой схватки Джон Клейтон стоял рядом со сходным трапом, задумчиво выпуская дым из своей трубки, как будто наблюдал за партией в крикет. Когда был повержен последний из офицеров, Клейтон решил вернуться к жене, чтобы никто из матросов не застал ее в каюте одну. Хотя внешне Клейтон сохранял самообладание, в душе у него все трепетало: его ужасала одна мысль, что его жена может оказаться в руках этих невежественных полуживотных.

Клейтон развернулся, намереваясь спуститься вниз по трапу, и увидел, что леди Грейсток стоит совсем рядом, на ступенях.

— Элис! Давно ли ты здесь? — воскликнул Клейтон.

— С самого начала, — ответила она. — Как все это ужасно, Джон! Как ужасно! На что же нам теперь надеяться?

— По крайней мере, на завтрак, я полагаю, — ответил он, улыбкой пытаясь приободрить ее. — Я их попрошу об этом. Пойдем, Элис. Следует дать им понять, что мы ожидаем вежливого обращения.

Матросы к тому времени безжалостно выбрасывали офицеров за борт, и мертвых, и еще живых. С тем же бессердечием они расставались и со своими убитыми и умирающими товарищами. Один из матросов увидел супругов Клейтон и бросился на них с топором:

— И этих тоже к рыбам!

Однако не успел он сделать и двух шагов, как его сразила пуля Черного Майкла. Гигант заорал, призвал всех к молчанию и, указывая на лорда и леди Грейсток, объявил:

— Это мои друзья, их не трогать. Понятно? Я теперь тут капитан, и вы будете делать то, что я скажу.

С этими словами он окинул матросов грозным взглядом.

Лорд и леди Грейсток с этого момента усердно следовали указаниям Черного Майкла. Они не видели никого из команды и почти ничего не знали о планах, которые строили эти люди. Временами до них доносились отзвуки ссор и потасовок мятежников, а пару раз тишину взрывали зловещие звуки выстрелов. Однако Черный Майкл вполне подходил на роль предводителя шайки головорезов: он сумел подчинить их своей воле.

На пятый день после резни, когда погибли офицеры, впередсмотрящий увидел на горизонте землю. Черный Майкл не имел понятия, что это — остров или материк, но тем не менее сразу объявил, что если земля окажется пригодной для проживания, то лорд и леди Грейсток будут высажены на берег со всем своим имуществом.

— Несколько месяцев вы там сумеете прожить, — объяснил он Клейтону. — А к тому времени мы где-нибудь высадимся и разбежимся. Тогда я подумаю, как известить власти о том, где вы находитесь, а они вышлют военный корабль, чтобы забрать вас отсюда. Вы спросите: почему бы не высадить вас там, где живут люди? Ну нет, тогда у нас не будет ответов на вопросы, которые нам начнут задавать.

Клейтон заметил, что высаживать людей на неизвестный берег бесчеловечно: это значит оставить их на милость диких зверей, а может быть, и живущих здесь дикарей. Однако его слова не привели ни к чему, кроме вспышки гнева Черного Майкла,

и Клейтону пришлось прекратить спор и мужественно сносить невзгоды.

Около трех часов пополудни корабль приблизился к живописному, поросшему лесом берегу. Увидев что-то вроде входа в закрытую гавань, Черный Майкл выслал на разведку шлюпку и велел разузнать, сможет ли «Фувальда» безопасно пройти через это устье. Примерно через час разведчики вернулись, доложив, что глубина достаточна для прохода в бухту, и еще до наступления темноты баркентина бросила якорь на тихом лоне вод этой гавани. Окружавшие бухту берега были покрыты субтропической растительностью, вдали возвышались холмы, почти повсеместно заросшие девственными лесами, — словом, никаких признаков, что этот край обитаем. Но условия для поддержания жизни людей здесь, несомненно, были: водились птицы и звери, которых то и дело замечали с борта «Фувальды», небольшая речка, впадавшая в бухту, обещала изобилие пресной воды.

Уже наступили сумерки, а Клейтон и леди Элис все еще молча стояли у борта судна. Из темных провалов огромного леса доносились дикие звуки: низкое рычание льва, резкие вскрики пантеры. Женщина в страхе прижималась к мужу, предчувствуя кошмары, которые готовила им ночная тьма дикого и пустынного берега.

Тем же вечером Черный Майкл сказал супругам, что наутро они должны высадиться на берег. Лорд и леди Грейсток попытались еще раз убедить его поискать более гостеприимное место, поближе к цивилизации, чтобы у них появилась надежда добраться до дружелюбно настроенных людей. Но никакие просьбы, угрозы и обещания наград не могли изменить решение Черного Майкла.

— На этом судне, — сказал он, — я единственный, кто не хотел бы вас умертвить. Пусть я при этом рискую собственной головой, но нет, Черный Майкл не из тех, кто забывает доброе дело. Вы спасли мне жизнь, и в ответ я сохраню ваши жизни — вот все, что в моих силах. Матросы не желают больше ждать, и, если мы вас не высадим утром, они могут и передумать. Я переправлю на берег все ваши вещи, а также кое-что из посуды и несколько старых парусов для палаток. И еды — столько, сколько нужно, чтобы продержаться до той поры, пока вы не научитесь добывать себе пищу. У вас будет оружие для защиты, и с ним вы

сумеете дожидаться прихода помощи. Когда я подыщу себе убежище, я дам знать британским властям о вас. Правда, я хоть убей не смогу объяснить, где именно мы вас высадили, потому что и сам этого не знаю. Но они поищут и найдут.

Лорд и леди Грейсток отправились к себе в каюту молча, погруженные в тягостные мысли. Клейтон не верил, что Черный Майкл действительно собирается сообщить британскому правительству об их обстоятельствах. Не был он уверен и в том, что на следующий день их не ждет предательство, когда они окажутся на берегу с матросами, которые должны доставить их имущество. Как только рядом не будет Черного Майкла, любой из этих негодяев может пристрелить их, и это никак не запятнает совесть их капитана. И даже если удастся избежать такой судьбы, то разве не ждут их еще более страшные опасности? Если бы Клейтон был один, он сумел бы продержаться здесь многие годы, поскольку он сильный, атлетически сложенный человек. Но как выдержит эти испытания Элис и то крошечное существо, которому очень скоро предстоит появиться на свет среди лишений и опасностей первобытного мира? Клейтон ужасался, осознавая всю тяжесть и безысходность ситуации. Но милосердное Провидение спасло его от предвидения той жуткой участи, которая в действительности ожидала их в мрачных дебрях этого угрюмого мира.

Рано утром многочисленные сундуки и ящики лорда и леди Грейсток сначала подняли на палубу, а потом спустили в шлюпки, чтобы доставить на берег. Добра было очень много: супруги собирались провести в своем новом доме пять—восемь лет и, помимо самого необходимого, взяли с собой немало предметов роскоши.

Черный Майкл требовал, чтобы ни одна из принадлежащих супругам Клейтон вещей не осталась на судне. Поступал ли он так из сочувствия к ним или преследуя какие-то собственные интересы, сказать трудно. Однако можно не сомневаться, что, если бы в каком-то порту мира на борту подозрительного судна обнаружили имущество пропавшего английского чиновника, команде это было бы крайне сложно объяснить. Черный Майкл даже заставил матросов отдать Клейтону украденные у него револьверы. В шлюпки были уложены запасы солонины и сухарей, некоторое количество картофеля и бобов, спички, кастрюли

и сковороды, ящик с инструментами, а также обещанные Черным Майклом старые паруса.

Словно опасаясь того же, о чем думал Клейтон, Черный Майкл решил лично проводить супругов на берег и был последним, кто покинул их, когда шлюпки, наполнив бочонки пресной водой, двинулись обратно к «Фувальде».

Лодки медленно продвигались по зеркалу вод маленькой бухты, а Клейтон и его жена молча провожали их взглядами. Обоих переполняло предчувствие несчастья и ощущение полной безнадёжности. А в это время с вершины невысокой скалы за всем происходящим следили другие глаза — близко посаженные и злобно блесевшие из-под лохматых лбов.

Когда «Фувальда» вышла из узкой горловины бухты и скрылась из виду, исчезнув за дальним мысом, леди Элис бросилась на шею мужу и разразилась рыданиями. Бедняжка стойко перенесла многое, но теперь, когда они остались одни на диком берегу, без всякой надежды на спасение, ее нервы не выдержали.

Клейтон и не пытался остановить ее слезы. Он даже подумал, что природа поступила мудро, дав женщине возможность излить наружу долго сдерживаемые чувства. Прошло немало времени, прежде чем бедная девочка — а она была еще сущим ребенком — взяла себя в руки.

— Ах, Джон, — сказала она наконец, — как все это ужасно. Что же нам делать? Что делать?

— Нам остается только одно, Элис, — ответил ее муж так спокойно, словно они сидели у себя дома, в уютной гостиной. — Работать. Труд — наше единственное спасение. Мы должны лишить себя времени на размышления, потому что за ними последует безумие. Надо работать и ждать. Я уверен — помощь придет, и придет скоро. Это случится, как только обнаружится, что «Фувальда» пропала, даже если Черный Майкл не сдержит своего слова.

— Ах, Джон, если бы все это касалось только тебя и меня, — снова заплавав, сказала Элис. — Мы выдержали бы все легко, но ведь...

— Да, дорогая, — тихо ответил Клейтон. — Я тоже думал об этом. Но надо встретить новые испытания так же, как все остальные: храбро и в уверенности, что мы сможем справиться с любыми обстоятельствами. Сотни тысяч лет назад наши предки, жившие в самые смутные времена, сталкивались с теми же трудно-

стями, которые ждут нас сейчас, и, может быть, в тех же первобытных лесах. Но разве они не победили, если мы живы и находимся здесь? И чего мы не умеем делать из того, что умели они? Мы даже сильнее их: мы вооружены приобретенными за долгие века знаниями, у нас есть средства для защиты, обороны и добывания пищи. Все это дала нам наука, и ничего из этого не знали они. По крайней мере, с помощью наших инструментов мы можем добиться того, чего они добивались с помощью камней и костей.

— Ах, Джон, хотела бы я быть мужчиной и разделять мужские взгляды, но я всего лишь женщина и слушаю голос сердца, а не разума. И этот голос подсказывает мне, что нас не ждет ничего, кроме невыразимого ужаса. Но я надеюсь, что ты прав, Джон. Я приложу все усилия и постараюсь стать смелой первобытной женщиной, достойной подругой первобытного мужчины.

Первым делом Клейтон решил построить для ночлега шалаш на берегу: хотя бы какое-то укрытие, способное защитить их от хищных зверей.

Он открыл ящик, в котором хранились ружья и боеприпасы, чтобы их обоих не смогли застигнуть врасплох во время работы, и затем вместе с Элис выбрал место для первой ночевки.

В ста ярдах от побережья обнаружилась ровная поляна, почти совсем свободная от деревьев. Здесь они наметили в дальнейшем построить дом, но пока что решили соорудить небольшое жилище на деревьях, чтобы туда не смогли добраться хищные звери, в чье царство они вторглись. С этой целью Клейтон выбрал четыре больших дерева, растущие на одном расстоянии друг от друга, образуя в основании почти правильный четырехугольник площадью около восьми квадратных футов. Он срубил длинные ветви других деревьев и сделал каркас на высоте около десяти футов над землей, плотно примотав концы ветвей к деревьям веревками, которые Черный Майкл позволил взять с собой с «Фувальды». На этом каркасе Клейтон сделал настил из мелких ветвей, а на них положил широкие листья, которых вокруг было в изобилии. Все это он покрыл большим парусом, сложив его в несколько раз и как следует укрепив. Сверху, на семь футов выше, Клейтон разместил такую же, хотя и более легкую конструкцию, которая должна была служить крышей, а с боков завесил все сооружение парусиной.

В результате получилось очень уютное гнездышко, куда они перенесли одеяла и самые легкие вещи. Солнце уже клонилось к закату, и вечер был потрачен на устройство грубой лестницы, по которой леди Элис могла бы подниматься в свой новый дом.

В течение всего дня супруги наблюдали множество птиц с ярким оперением, а также прыгавших с ветки на ветку и кричавших обезьянок, которые рассматривали пришельцев и следили за постройкой удивительного гнезда с неослабевающим вниманием.

Клейтон и его жена постоянно опасливо озирались по сторонам, но ни разу не видели крупных хищников, хотя пару раз замечали своих человекообразных соседей — небольших обезьян, то и дело вскрикивавших на расположенных неподалеку скалах. Они оглядывались назад и жестиками так же ясно, как если бы изъяснялись словами, выражали испуг перед чем-то ужасным, притаившимся в скалах.

Перед самым наступлением темноты лестница была закончена. Клейтон и его жена, наполнив сосуд водой из близлежащего ручья, поднялись в свое необычное жилище, где могли чувствовать себя в относительной безопасности.

Было очень жарко, и Клейтон оставил одну из штор открытой, закинув парусину на крышу. Они сидели по-турецки на одеялах. Леди Элис вглядывалась в темнеющие очертания леса. Вдруг она схватила Клейтона за руку:

— Джон, — прошептала она, — посмотри! Кто это там? Человек?

Клейтон посмотрел, куда она указывала, и увидел смутно видневшийся на фоне леса чей-то силуэт. Огромное двуногое существо, выпрямившись во весь рост, стояло на скале и словно прислушивалось. Через мгновение существо медленно повернулось и исчезло в зарослях.

— Кто это, Джон?

— Не знаю, Элис, — отвечал он мрачно. — Слишком темно, отсюда не разглядеть. Может быть, это всего лишь тень. Смотри, луна поднимается.

— Нет, Джон, это был не человек, а какая-то грубая пародия на человека. Мне страшно!

Муж обнял ее, начал шептать слова ободрения и любви. Затем опустил парусиновые стены, крепко примотал их к деревьям, оставив только небольшой просвет с видом на побережье. Клейтон лег лицом к просвету, положив рядом с собой ружье и револьверы.

Не успели супруги закрыть глаза, как из джунглей раздался страшный вой пантеры. Животное подходило все ближе и ближе, пока они не услышали его прямо под собой. В течение часа или даже дольше пантера фыркала и скребла когтями деревья, к которым было привязано их жилище. Но затем ее рев раздался уже на берегу, и Клейтон разглядел пантеру при ярком лунном свете: прекрасное животное, самое большое из всех, которых ему доводилось видеть.

Долгие часы, лежа в темноте, Клейтон и его супруга засыпали лишь урывками, поскольку ночные шумы великих джунглей, заполненных тысячами живых существ, постоянно держали их измученные нервы в напряжении. Сотни раз они вздрагивали и просыпались от пронзительных звуков или от еле слышного движения гигантских тел прямо под ними.

Глава 3

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

Ночь не принесла отдохновения, но зато рассвет дал чувство облегчения. Позавтракать пришлось солониной, кофе и бисквитами, а вслед за этим Клейтон приступил к постройке дома, поскольку понимал, что они не смогут чувствовать себя в безопасности ни днем ни ночью до той поры, пока четыре крепкие стены не станут надежной преградой для обитателей джунглей.

Дело оказалось нелегким. Потребовался почти месяц на постройку небольшой хижины. Клейтон сложил ее из толстых бревен и замазал щели глиной, обнаруженной им на глубине нескольких футов под верхним слоем почвы. Затем он принес с берега океана камни и соорудил в углу жилища очаг. Камни также были скреплены глиной, и глиной была обмазана хижина снаружи — толстым слоем в четыре дюйма.

Проем окна заделали ветвями в дюйм толщиной — так что получилась довольно крепкая решетка, способная выдержать натиск сильного животного. Таким образом, обитатели хижины получали доступ к свежему воздуху, не рискуя при этом своей безопасностью.

Остроконечную крышу Клейтон покрыл тонкими ветвями, а на них уложил траву и широкие пальмовые листья, в завершение замазав все глиной. Дверь он соорудил из досок ящичков, в которых были доставлены с корабля вещи. Клейтон набивал одну доску на другую: один слой вдоль, другой — поперек — до тех пор, пока не получилась конструкция в три дюйма толщиной и такой прочности, что оба они даже рассмеялись, глядя на нее.

Но дальше Клейтон столкнулся с большой трудностью: где взять петли, на которые эту тяжелую дверь можно было бы повесить? После двухдневной работы ему удалось соорудить из твердой древесины две большие и неуклюжие петли. На них водрузили дверь, и оказалось, что она довольно легко открывается и закрывается.

Стены штукатурили, уже когда заселились в дом, то есть сразу после возведения крыши. По ночам Клейтоны придвигали свои сундуки и ящики к двери, и это давало им ощущение безопасности. Изготовление кровати, стульев, стола и полок было не таким трудным делом по сравнению с предшествующей работой. К концу второго месяца они более-менее устроились, и если бы не постоянная угроза нападения диких зверей и не нарастающее чувство одиночества, они не замечали бы неудобств и не были бы так несчастны.

По ночам огромные животные храпели и рычали совсем рядом с их крошечной хижинкой, однако Клейтоны скоро привыкли к этим повторяющимся звукам, перестали обращать на них внимание и спокойно спали ночь напролет.

Трижды они мельком видели гигантские человекообразные фигуры, подобные той, которая испугала их в самую первую ночь. Впрочем, эти существа не подходили близко, и нельзя было с уверенностью сказать, люди ли это.

Птицы с ярким оперением и маленькие обезьянки вскоре привыкли к новым соседям. По-видимому, они никогда раньше не встречали людей и, как только у них прошел первый страх, стали подходить все ближе и ближе, движимые странным любопытством, столь распространенным среди диких обитателей ле-

сов, джунглей и равнин. К концу первого месяца некоторые птицы осмелели до того, что брали кусочки пищи прямо из рук Клейтонов.

Как-то во второй половине дня Клейтон занимался строительством: он задумал расширить пространство дома. Вдруг забавные маленькие обезьянки с испуганными криками бросились удирать от ближайшей скалы, перепрыгивая с дерева на дерево. Они все время озирались, пока не остановились возле Клейтона. Обезьянки возбужденно стрекотали, словно стараясь предупредить о приближении какой-то опасности.

И вот наконец он увидел, чего так боялись обезьянки: то самое человекообразное чудовище, которое прежде замечал только мельком. Оно шло на них прямо через заросли, на задних лапах, время от времени вставая на все четыре конечности. Это была гигантская человекообразная обезьяна. Она издавала то гортанное рычание, то низкие лающие звуки.

В тот момент Клейтон находился довольно далеко от хижины, на краю поляны, где он присмотрел превосходное дерево, пригодное для строительства. Несколько месяцев относительной безопасности, когда он не встречал днем крупных хищников, сделали его беспечным. И теперь он увидел огромную обезьяну, которая неслась прямо на него через подлесок, отрезая ему путь к отступлению. Клейтон почувствовал, как по его спине пробежали мурашки. Он понимал, что, вооруженный одним только топором, не сможет оказать серьезного сопротивления этому ужасному чудовищу. И — боже мой! — что же тогда будет с Элис?

Однако надежда умирает последней, и Клейтон рванул к хижине. На бегу он кричал жене, чтобы она укрылась в доме и заперлась на засов, если обезьяна отрезет ему путь.

Леди Грейсток как раз сидела неподалеку от хижины. Она услышала крики мужа и одновременно увидела, как обезьяна несется ему наперерез с невероятной для такого большого и массивного животного скоростью.

С отчаянным криком Элис подбежала к двери хижины. Оглянувшись на пороге, она увидела то, что наполнило ее душу ужасом: зверь успел преградить Джону путь к дому, и теперь человек принял стойку, сжимая обеими руками топор, чтобы обрушить его на разъяренное животное, готовившееся к последнему прыжку.

— Спрячься и закрой дверь на засов! — орал Клейтон. — Я прикончу этого малого топором!

Но и он сам, и леди Элис знали, что его ждет ужасная смерть.

Обезьяна была гигантской, она весила не меньше трех сотен фунтов. Ее злобные, близко посаженные глаза сверкали ненавистью. Она скалила клыки и издавала жуткое рычание, пугая жертву перед нападением. Всего в двадцати шагах за ее спиной была спасительная дверь хижины, и Клейтона охватила дрожь, когда он увидел, что его молодая жена выходит оттуда с ружьем в руках.

Леди Элис, которая боялась огнестрельного оружия и никогда к нему не притрагивалась, теперь бесстрашно направлялась к зверю, подобно львице, защищающей свое потомство.

— Вернись, Элис! — кричал Клейтон. — Бога ради, вернись!

Но она не обращала внимания на его слова. И как раз в этот момент обезьяна напала — Клейтон мужественно принял бой.

Человек мощно, изо всех сил взмахнул топором, но гигантское животное выхватило у него оружие и отшвырнуло в сторону. С жутким рычанием обезьяна приблизилась к своей жертве, но прежде, чем ее клыки впились в горло противника, раздался громкий выстрел — пуля вошла зверю между лопатками.

Бросив Клейтона на землю, обезьяна обернулась к новому врагу — это была напуганная девочка, тщетно пытавшаяся выстрелить снова. Элис не понимала, как действует ружье, и боек только зря бил по пустой гильзе. Видя приближающуюся обезьяну, Элис упала в обморок.

В тот же момент Клейтон вскочил на ноги и, совершенно не думая о том, что совершает бессмысленный поступок, ринулся к обезьяне, с тем чтобы оттащить ее от лежащей на земле женщины. Как ни странно, ему это легко удалось: огромная туша вдруг завалилась на бок. Пуля сделала свое дело, и обезьяна была мертва.

Быстро осмотрев Элис, Клейтон убедился, что она цела и невредима. По-видимому, зверь умер как раз в то мгновение, когда двинулся на нее. Клейтон осторожно взял на руки безвольное тело жены и перенес в хижину. Прошло еще долгих два часа, прежде чем леди Грейсток пришла в сознание.

Первые же ее слова вызвали у Джона смутные подозрения и опасения. Открыв глаза, Элис с удивлением осмотрела окружавшую ее обстановку, а затем довольным тоном произнесла:

— Ах, Джон, как хорошо быть дома! Я видела кошмарный сон, мой дорогой. Мне снилось, что мы вовсе не в Лондоне, а в каком-то ужасном месте, где на нас нападают огромные звери.

— Успокойся, Элис, успокойся, — говорил Клейтон, поглаживая ее по голове. — Попробуй заснуть и не обращай внимания на плохие сны.

Этой ночью у четы Клейтон родился сын. Он появился на свет в первозданных лесах, в час, когда леопард взвизгивал прямо под дверью хижины, а из-за холма слышались низкие звуки львиного рыка.

Леди Грейсток так и не оправилась от потрясения, вызванного нападением гигантской человекообразной обезьяны. Она прожила еще год после рождения сына, но ни разу за это время не покинула хижину и так и не смогла понять, что находится вовсе не в Англии. Иногда она спрашивала мужа о странных звуках, раздающихся по ночам. Она не могла понять, куда подевались слуги и друзья, ее удивляло, что комната обставлена столь грубо сделанной мебелью. Клейтон не пытался ее обманывать и рассказывал об истинном положении вещей, но она не улавливала смысла его слов. В других отношениях она сохраняла разум, а радость, которую приносили ей маленький сын и постоянная забота мужа, сделали последний год самым счастливым в ее недолгой жизни.

Клейтон осознавал: сохрани она рассудок полностью, ей было бы не избежать множества волнений и страхов. И поэтому, хотя ему и было мучительно видеть ее состояние, иногда он даже радовался, что жена не понимает происходящего. Уже давно он оставил всякую надежду на спасение: помощь могла прийти только по воле случая. С неослабевающим рвением он трудился над тем, чтобы приукрасить их жилище.

Пол теперь покрывали шкуры льва и пантеры. Вдоль стен выстроились сервант и книжный шкаф. В вазах, вылепленных из местной глины, стояли прекрасные тропические цветы. На окнах появились занавески из травы и бамбука. А самым трудным делом, с которым сумел справиться Клейтон, пользуясь своим скудным набором инструментов, было изготовление досок: ими он аккуратно обшил стены, пол и потолок.

Его самого несколько удивляло, что он оказался способен к столь непривычному для себя труду. Однако эта работа Клейтону нравилась, поскольку он посвящал ее своей любимой и тому крошечному существу, которое стало отрадой их жизни, хо-

тя его появление на свет божий многократно усилило и ответственность, и ощущение ужаса их положения.

В течение года на Клейтона несколько раз нападали большие обезьяны, которых, похоже, в окрестностях было множество. Но он уже не выходил из дома, не прихватив с собой ружье и револьвер, и потому ничуть не боялся этих свирепых зверей.

Ради безопасности Клейтон как следует укрепил окна и приделал к двери хитрый деревянный замок. Теперь, когда он отправлялся собирать фрукты или охотиться, ему не нужно было беспокоиться о том, что какой-нибудь зверь проникнет в их жилище. В первое время он мог настрелять дичи, не выходя из дома, прямо из окна. Но впоследствии животные стали бояться и остерегались приближаться к странному сооружению, из которого по временам раздавался ужасный грохот.

В свободные часы Клейтон читал, и нередко вслух для жены, те книги, которые они привезли из Англии. Среди них было много детских: книги с картинками, буквари, хрестоматии. Собираясь в дорогу, они рассчитывали пробыть в Африке долго, так что их будущий ребенок должен был успеть достаточно вырасти, чтобы суметь прочесть все это, прежде чем они вернутся домой. Кроме того, Клейтон вел дневник, по своей старой привычке он делал это по-французски. Он записывал все подробности их странного существования. Дневник всегда хранился в металлическом футляре.

Через год после рождения сына леди Элис умерла. Она скончалась ночью, так тихо и мирно, что только через несколько часов Клейтон понял: его жены больше нет. Ужас своего положения он осознал далеко не сразу и вряд ли даже сумел полностью оценить и масштаб приключившегося горя, и страшную ответственность, которую налагала на него теперь необходимость заботы о крошечном существе, грудном ребенке, его сыне.

Последняя запись в дневнике была сделана наутро после смерти леди Элис. В ней Клейтон перечисляет скорбные подробности, и этот сухой перечень вызывает еще большую жалость. В строках, написанных Клейтоном, сквозит страшная усталость от бесконечных несчастий и безнадежности, и последний удар тем более не мог пробудить его к жизни, полной дальнейших страданий:

*Мой малютка плачет от голода.
О, Элис, Элис, что же мне делать?*

Написав эти строки, Джон Клейтон бессильно уронил голову на руки, — он сидел за столом, который смастерил для той, что теперь лежала на постели спокойная и холодная.

Тишину нарушал только жалобный плач крошечного человеческого существа в колыбели.

Глава 4

ОБЕЗЬЯНЫ

В непроходимом лесу, в миле от океанского побережья, бушевал Керчак — вожак обезьяньего племени. Молодые и еще слабые самцы спасались бегством от его гнева, забираясь на самые высокие ветви деревьев. Рискуя жизнью, они цеплялись даже за такие ветки, которые едва ли могли выдержать их вес, лишь бы забраться подальше от слепой ярости старого Керчака. Другие сородичи разбегались кто куда, но взбешенный зверь все же успел перекусить позвонки одному из них своими гигантскими, покрытыми пеной клыками.

Молодой самке не посчастливилось: она ухватилась за слишком тонкую ветку и упала с высоты к самым ногам Керчака. Издав дикий вопль, вожак кинулся на нее и выдрал кусок мяса из бока, а затем принялся яростно колотить ее по голове и плечам здоровенным суком. Он бил ее до тех пор, пока не проломил несчастной череп.

Затем он заметил Калу, которая возвращалась с поисков пищи для своего младенца. Резкие крики обезьян предупредили ее, что надо удирать, но Керчак был уже близко, в двух шагах. Он чуть не ухватил Калу за лодыжку, но в последний момент она сумела совершить отчаянный прыжок с одного дерева на другое — к таким опасным прыжкам обезьяны прибегают только в случае крайней необходимости, когда нет других способов спасти свою жизнь. Все прошло удачно, но когда она ухватилась за сук, от сильного толчка расцепил свои ручонки крошечный малыш, который изо всех сил цеплялся за ее шею. Несчастливая мать увидела, как ее дитя, переворачиваясь в воздухе, падает на землю с высоты в тридцать футов.

С ужасным воплем Кала кинулась за ним, совсем забыв об опасности, исходившей от Керчака. Однако с земли она подо-

брала только лишённое жизни изуродованное тельце. Кала с горькими причитаниями прижала его к груди. Сам Керчак не смел в этот момент досаждать ей: со смертью детеныша приступ бешеного гнева вдруг прошёл — так же внезапно, как и начался.

Керчак — вождь племени, огромный самец, весил, по всей вероятности, около трехсот пятидесяти фунтов. Лоб у него был очень низкий и покатый, глаза — налитые кровью, близко посаженные, нос — крупный плоский, уши — широкие и тонкие, но меньше по размеру, чем у сородичей.

Дикий нрав и могучая сила принесли ему первенство в маленьком обезьяньем племени, в котором он родился примерно двадцать лет назад. Теперь он был в расцвете сил, и никто в джунглях, где обитало племя, не мог оспорить его первенство. Его не осмеливались задирать даже большие звери других видов. Только старый слон Тантор, один из всех лесных обитателей, не боялся Керчака, и он же единственный, кто внушал обезьяньему вожаку страх. Когда Тантор трубил, Керчак вместе со своими подданными стремглав взбирался на самые высокие ветви.

Племя человекообразных обезьян, которым Керчак правил при помощи силы и клыков, насчитывало шесть-восемь семейств, каждое включало взрослого самца с самками и потомством, так что в целом набиралось шестьдесят или даже семьдесят обезьян.

Кала — самка девяти или десяти лет — была младшей женой самца по имени Тублат, что означало «сломанный нос», а детеныш, который разбился насмерть у нее на глазах, был ее первенцем. Однако, несмотря на молодость, Кала отличалась ростом и силой: красивое животное с круглым и высоким лбом, который указывал на ум более развитый, чем у остальных членов племени. Кроме того, она обладала сильно развитым материнским инстинктом и испытывала глубокое горе после потери детеныша. Но все-таки это была всего лишь обезьяна: огромное, свирепое животное, принадлежащее к разновидности, близкой к гориллам, — более развитой умственно, но обладающей той же силой, что и гориллы. Эти предшественники человека были самыми страшными и опасными зверями.

Когда обезьяны увидели, что Керчак больше не гневается, они стали вылезать из своих убежищ и снова занялись делами, которые прервал этот гнев.

Детеныши играли и резвились в кустах и на деревьях. Взрослые обезьяны или лежали на мягкой подстилке из палой листвы,

или переворачивали повсюду валявшиеся древесные ветви и копались в земле в поисках жучков и червей, которые шли у них в пищу, или же забирались на деревья, отыскивая фрукты и орехи, охотясь за мелкими птицами.

Так продолжалось около часа, а затем Керчак созвал их и вел следовать за ним к морю.

Обезьяны по большей части перемещались по земле — по тем тропам, которые остались после слонов: только благодаря слонам здесь и появлялось некое подобие дорог, в этих запутанных лабиринтах кустарника, дикого винограда, вьющихся растений и деревьев. Обезьяны двигались на четырех лапах, неуклюже, опираясь на костяшки кулаков и рывками продвигая вперед свои массивные тела. Но когда приходилось передвигаться по нижним террасам деревьев, их движения становились куда быстрее. Они перелетали с ветки на ветку ничуть не хуже своих дальних родственников — обезьян мелких видов. Кала всю дорогу не расставалась с мертвым телом своего малыша, прижимая его к груди.

Вскоре после полудня племя достигло скалы, с которой открывался вид на море. Внизу находилась хижина, туда Керчак и вел сородичей. Он много раз видел, как умирали ему подобные из-за громкого звука, раздававшегося из маленькой черной палочки. Палочка принадлежала странной белой обезьяне, обитавшей в удивительном жилище. И Керчак твердо решил завладеть этой смертоносной вещью, а также заглянуть внутрь дома. Керчаку очень-очень хотелось вонзить свои зубы в шею непохожего на него животного, которое он давно ненавидел и боялся, и поэтому он часто являлся сюда вместе с племенем на разведку, поджидая минуту, когда белая обезьяна потеряет бдительность. Но с течением времени обезьяны перестали не только нападать, но даже показываться вблизи хижины, потому что каждый раз, когда это происходило, палочка раздражалась грохотом и посылала смерть кому-нибудь из членов племени.

Сегодня, однако, обитателя хижины не было видно на поляне, и со своего наблюдательного пункта обезьяны заметили, что дверь открыта. Медленно и осторожно ступая, они начали подкрадываться сквозь заросли.

Они не издавали ни рычания, ни пронзительных гневных воплей: черная палочка научила их вести себя тихо, они боялись

ее разбудить. Все ближе и ближе подходили они, пока шедший первым Керчак не оказался у самой двери и не заглянул внутрь. За ним стояли два самца и Кала, по-прежнему прижимавшая к груди мертвое тельце.

Внутри жилища они увидели странную белую обезьяну: она спала прямо за столом. На кровати было еще чье-то тело, покрытое куском парусины, а из грубо сделанной колыбельки доносились жалобное хныканье детеныша.

Керчак бесшумно вошел внутрь и присел на корточки, готовясь напасть, и в этот момент Джон Клейтон, вздрогнув, поднял голову.

Зрелище, которое предстало его глазам, должно быть, сковало его ужасом. Он увидел в дверях трех огромных самцов обезьян, а за ними выглядывали еще и другие, — сколько их было, он так и не узнал: револьверы висели на другой стене, рядом с ружьем, а Керчак уже бросился в атаку.

Когда вожак племени отпустил обмякшее тело, бывшее раньше Джоном Клейтоном, лордом Грейстоком, то обратился к колыбельке. Однако Кала оказалась возле нее раньше и первой успела схватить младенца. Прежде чем вожак смог ей помешать, Кала молнией вылетела в дверь и укрывалась на высоком дереве.

Она взяла с собой сына Элис Клейтон, а мертвое тело своего детеныша опустила в колыбельку. Плач живого ребенка пробудил в ней те материнские чувства, которые уже не мог вызвать мертвый.

Забравшись высоко на ветви могучего дерева, Кала прижала кричащего младенца к груди, и вскоре инстинкт, который руководил этой свирепой самкой — тот же инстинкт, что таился в груди его нежной и прекрасной матери, инстинкт материнской любви, — сделал свое дело, и ребенок затих. Затем голод уничтожил ту пропасть, которая их разделяла: гигантская обезьяна стала кормить своим молоком сына английского лорда.

Другие обезьяны, проникнув в хижину, осторожно осматривали непонятные для них вещи. Убедившись, что Клейтон мертв, Керчак обратился к кровати, где лежал кто-то, покрытый парусиной. Керчак быстро приподнял угол покрывала, увидев тело женщины, откинул ткань и ухватился своими огромными волосатыми лапами за белую шею, но почти сразу разжал пальцы и выпустил холодную плоть. Он понял, что женщина мертва, от-

СОДЕРЖАНИЕ

ТАРЗАН ИЗ ПЛЕМЕНИ ОБЕЗЬЯН

Перевод А. Д. Степанова

Глава 1. В открытом море	7
Глава 2. Убежище в джунглях	15
Глава 3. Жизнь и смерть	23
Глава 4. Обезьяны	29
Глава 5. Белая обезьяна	35
Глава 6. Битвы в джунглях	41
Глава 7. Свет знаний	47
Глава 8. Охотник на вершинах деревьев	57
Глава 9. Человек и человек	62
Глава 10. Призрак страха	70
Глава 11. Король обезьян	74
Глава 12. Человеческий разум	83
Глава 13. Ему подобные	90
Глава 14. Во власти джунглей	101
Глава 15. Лесной бог	110
Глава 16. «Весьма примечательно!»	114
Глава 17. Похороны	122
Глава 18. Жертва джунглей	130
Глава 19. Первобытный зов	140
Глава 20. Наследственность	148
Глава 21. Деревня пыток	157
Глава 22. Экспедиция	163
Глава 23. Братство	171
Глава 24. Пропавшее сокровище	179
Глава 25. Форпост на краю света	186
Глава 26. Высоты цивилизации	195
Глава 27. Опять великан	203
Глава 28. Заключение	214

ВОЗВРАЩЕНИЕ ТАРЗАНА

Перевод А. Д. Степанова

Глава 1. Случай на океанском лайнере	225
Глава 2. Куются узы ненависти и ...?	233
Глава 3. Что случилось на улице Моль	241
Глава 4. Графиня объясняется	248
Глава 5. Неудавшийся заговор	257
Глава 6. Дуэль	265
Глава 7. Танцовщица из Сиди-Аиссы	273
Глава 8. Бой в пустыне	280
Глава 9. Нума эль-Адреа	287
Глава 10. Долиной смертной тени	296
Глава 11. Джон Колдуэлл из Лондона	303
Глава 12. Невстретившиеся суда	311
Глава 13. Крушение «Леди Элис»	319
Глава 14. Снова в первозданном лесу	330
Глава 15. От обезьяны к дикарю	338
Глава 16. Охотники за слоновой костью	346
Глава 17. Белый вождь Вазири	353
Глава 18. Лотерея смерти	362
Глава 19. Город золота	371
Глава 20. Ла	377
Глава 21. Выброшенные на берег	384
Глава 22. Сокровищница Опара	393
Глава 23. Пятьдесят воинов Опара	401
Глава 24. Тарзан возвращается в Опар	409
Глава 25. Через первозданный лес	416
Глава 26. Нет больше человека-обезьяны	425

ТАРЗАН И ЕГО ЗВЕРИ

Перевод М. В. Тарасова

Глава 1. Похищение	433
Глава 2. Высажен на необитаемом острове	440
Глава 3. Зверь, на которого ведется охота	448
Глава 4. Шита	458
Глава 5. Мугамби	466
Глава 6. Опасная команда	475
Глава 7. Предательство	484
Глава 8. Пляска смерти	492

Глава 9. Благородство и подлость	500
Глава 10. Швед	509
Глава 11. Тамбудза	517
Глава 12. Черный негодяй	525
Глава 13. Бегство	534
Глава 14. Одна в джунглях	541
Глава 15. Вниз по Угамби	547
Глава 16. Во тьме ночи	556
Глава 17. На палубе «Кинкейда»	563
Глава 18. Павлов замышляет месть	569
Глава 19. Последние с «Кинкейда»	579
Глава 20. Снова Остров Джунглей	583
Глава 21. Закон джунглей	592
Краткий словарь языка обезьян	603

Берроуз Э. Р.

Б 51 Тарзан из племени обезьян ; Возвращение Тарзана ; Тарзан и его звери : романы / Эдгар Райс Берроуз ; пер. с англ. А. Д. Степанова, М. В. Тарасова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 608 с. — (Мир приключений).

ISBN 978-5-389-11491-3

В 2012 году Тарзану, всемирно известному литературному герою, исполнилось 100 лет. Мог ли представить себе автор, Эдгар Райс Берроуз, бизнесмен-неудачник, решивший попробовать свои силы на литературном поприще, каким бестселлером окажется его роман о Тарзане? За первым романом, «Тарзан из племени обезьян», о приключениях потомка английских лордов, который вырос в джунглях, последовало 23 сиквела. Образ сильного, красивого, неустрашимого и справедливого героя, которому хочется подражать, сразу завоевал симпатии читателей. Писатель дает Тарзану возможность жить и в сказочных джунглях, и в мире людей; и тот постепенно не только знакомится с законами и благами цивилизации, но и подвергает их проверке.

В настоящее издание вошли три первых романа Берроуза о Тарзане; они публикуются в новых переводах.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ЭДГАР РАЙС БЕРРОУЗ
ТАРЗАН ИЗ ПЛЕМЕНИ ОБЕЗЬЯН
ВОЗВРАЩЕНИЕ ТАРЗАНА
ТАРЗАН И ЕГО ЗВЕРИ

Редакторы Наталия Лукина, Алла Степанова, Игорь Куберский
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Анны Скурихиной
Корректоры Ирина Киселева, Маргарита Ахметова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 21.09.2016. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 38. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

AMPR1952101R